

О храме Бога Бракосочетания, что находился в восточной части столицы, историограф Су Лу узнал случайно, когда навел справки о нескольких своих наиболее рьяных обожательницах.

Да-да, именно о нескольких.

Су Лу по праву считался красивейшим победителем государственных экзаменов за всю историю Великой Ци, без всяких преувеличений. И хотя из-за неблагоприятной политической обстановки он временно оказался не у дел, это нисколько не мешало ему — пусть и против собственной воли — продвигаться по любовной линии. Окружающие то и дело проникались к нему нежными чувствами. А поскольку в Великой Ци издавна бытовал обычай «поимки зятя под списком сдавших экзамены», завидный жених вроде Су Лу мнил множество благородных семейств, горевших желанием породниться с ним.

Стоило ему кивнуть сегодня — и уже завтра он мог бы праздновать свадьбу.

Но Су Лу упорно отказывался.

— Иными словами, тот, кто запер тебя в Императорской школе евнухов, либо сам мечтал войти в твою семью, либо пытался угодить кому-то из твоих преследователей?

Чи Нин, когда помогал Су Лу выпутываться из передряг, даже не спрашивал о причинах. Но теперь, додумавшись до сути самостоятельно, он пришел к выводу, что историографу крупно не повезло.

Су Лу лишь смущенно улыбнулся. Изысканный и благородный муж, чей облик подобен редкому нефриту, а взор ясен, как звезды на ночном небе. Даже в минуты редкого замешательства этот человек оставался невероятно красивым. Он и сам не понимал, почему на его долю выпало столько любовных невзгод. Ведь его единственным стремлением было стать безродным министром и оставить свое имя в истории. Ему совершенно не хотелось прославиться в веках из-за легкомысленных любовных интриг.

— Правый помощник министра чинов на старости лет обзавелся дочерью. Он души в ней не чает, бережет как зеницу ока, а потому барышня выросла весьма... весьма...

Старший соученик Цзян Чжиуэй закончил мысль за него:

— Вбальмошность этой девицы известна на всю столицу. Она вбила себе в голову, что выйдет за тебя, плакала и кричала, требуя свадьбы. Ты ей отказал, ее отец посчитал себя оскорбленным и решил сломать твою гордость, заставив подчиниться.

Прямо в яблочко!

Су Лу еще не был женат, и его сердце оставалось свободным. Не будь он столь упрям и не испытывай он такого отвращения к давлению извне, возможно, он давно бы сдался.

На самом деле, как только вокруг него начали происходить странности, Су Лу первым же делом заподозрил дочку правого помощника министра чинов. Расспросив людей, он узнал, что та частенько навещает храм Бога Бракосочетания, и тогда же заметил, что и остальные его известные обожательницы тоже имели одну общую черту — все они бывали в этом святилище.

Су Лу даже сам ходил туда разузнать обстановку, но, кроме бесконечной толпы и уличной суеты, ничего подозрительного не обнаружил.

— Что ж, тогда и мы туда сходим, — Чи Нин размял плечи. По его виду казалось, что он собирается не расследовать дело, а кого-нибудь поколотить.

— Раскроем дело! Настоящее расследование! — воодушевился Цзян Чжиуэй, отряхнул рукава и решительно поднялся. Он, Цзян Чжиуэй, твердо вознамерился стать справедливым судьей, ничуть не уступающим самому Бао Лунту!

Чи Нина расследование преступлений не особо прельщало. Куда больше ему хотелось повязать красную нить на нового императора. И он вовсе не шутил — намерения у него были самые серьезные.

Сказано — сделано. Троица немедленно пустилась в путь. Высокая скорость принятия решений объяснялась еще и тем, что у всех троих как раз выдался выходной.

Проще говоря, им троим было решительно нечем заняться.

Тем временем У Шэн и Чжу Лян наконец-то сумели раздобыть для Цзи Цзань поддельные бумаги. Теперь она, подобно Чжу Ляну, благополучно пробралась в столицу Юнцзи.

Но на этом приключения юного мастера ядов У Шэна не закончились. Они вошли в город через ворота Наньси и как раз проходили мимо бурлящего толпой храма Бога Бракосочетания. Не заметить столь оживленное место было попросту невозможно. Проходящие мимо горожане Великой Ци сжимали в руках кукол Бога бракосочетания с добродушными лицами. В зависимости от цвета одеяний на игрушке менялась и сила ее чудодейственности. А уж то, насколько действенной окажется твоя кукла, целиком зависело от глубины твоей «искренности».

Проще говоря, служители храма превратили брачные узы в прибыльное дело. Любовь без зазрения совести выставили на торги: хочешь исполнить заветное желание — раскошеливайся.

За исключением разве что великих мужей, находящихся под защитой добродетелей прошлых

жизней, не существовало союза, который этот храм не мог бы устроить.

Время от времени к воротам подходили те, кто возвращался поблагодарить божество за исполненное прошение. Эти паломники вовсе не походили на нанятых зазывал; они от чистого сердца благодарили Юэлао за обретение семейного счастья.

Были ли эти браки счастливыми — вопрос открытый, но дело шло на лад, и союзы действительно заключались.

Настоятель храма величал себя тридцать восьмым мирским преемником самого Юэлао. Ныне он широко распахнул ворота обители и набрал бесчисленное множество учеников и последователей, будто вознамерившись одарить любовью каждого страждущего в Поднебесной. В самом храме трудилась уйма добровольцев из числа верующих — они не брали за работу ни единого медного гроша, усердствуя точно так же, как послушники в обычных праведных буддийских или даосских обителях.

С каждым днем влияние храма росло. И хотя сейчас здесь просили лишь о делах сердечных, при таких темпах появление новой Секты Небесного Писания оставалось лишь вопросом времени.

Поговаривали, что во дворе храма высится вековое дерево, овеянное благодатью самого Бога бракосочетания, — Священное дерево красных нитей. Стоило лишь с чистым сердцем вознести под его кроной молитву, и думы просящего долетали до самых небес.

Услышав о чудесных свойствах этого дерева, У Шэн застыл как вкопанный и загорелся желанием непременно войти внутрь и выпросить красную нить для своего благодетеля — наследника сиятельного князя Цзина.

Вести о поиске невесты для наследника сиятельного князя докатились даже до далеких земель Чу, где тогда находился У Шэн. Раз уж тот собрался жениться, то испросить для него благословения на счастливый брак казалось делом самым что ни на есть правильным.

Чжу Лян лишь безмолвно покачал головой.

Что ж, оставалось надеяться, что парень сохранит эту святую наивность и после встречи с Чи Нином — этим одержимым усыновлением безумцем, когда узнает о его планах на «сынка».

Чжу Лян категорически не сходил с характерами с У Шэном. И пусть он больше не смотрел на юношу свысока из-за его способности вынашивать детей, ужиться с настолько простодушным добряком он все равно не мог. Куда ближе ему был Чи Нин: тот творил бесчинства с гордо поднятой головой и ни капли не раскаивался. Истинному негодяю ведомы такие радости, о которых праведникам даже помыслить не дано.

Цзи Цзань, еще скрываясь в каменной шпильке Цзи Сысюэ, тоже немало слышала о славе столичного храма Юэлао. Обычные люди при подобных слухах, возможно, и шли поклониться, но в глубине души все равно сомневались. В конце концов, божественные силы неосязаемы: кому-то молитва помогает, кому-то нет. Но Цзи Цзань, будучи духом одержимости, куда охотнее верила в подобные сверхъестественные явления. Она не понаслышке знала, что сущности, обладающие великим могуществом, действительно существуют.

Она тоже остановилась рядом с У Шэном, желая заглянуть в обитель.

Двое против одного. Чжу Лян...

...так и не сделал ни единого шага к храму. Он наотрез отказывался верить в подобные глупости и лишь с усмешкой взирал на толпу паломников. Если человек не способен удержать собственную любовь своими силами, к чему уповать на богов? И какая цена такому союзу?

Мир, в который верил Чжу Лян, подчинялся лишь закону силы.

Впрочем, отговаривать спутников он не стал. Они условились встретиться после окончания их молитв в трактире «Юньлай», что располагался прямо напротив храма. С этими словами троица разделилась. Чжу Лян поднялся на второй этаж трактира, занял столик у окна и заказал щедрый обед, намереваясь скрасить ожидание за кувшином доброго вина.

В это же время в заведении обосновались придворные художники из Императорской академии живописи.

Академия живописи занимала совершенно особое место среди государственных ведомств. Она была учреждена лишь потому, что покойный император Су питал к рисованию безумную страсть. К сегодняшнему дню отбор художников в Академию стал настолько суровым, что ничуть не уступал государственным экзаменам кэцзюй. Лишь единицы из тысяч соискателей, преодолев жесточайшее соперничество, могли надеяться на получение государственного жалованья и почетного звания придворного живописца.

Оклады у них были весьма щедрыми, а к числу привилегий относилась возможность путешествовать по всей стране за казенный счет, дабы искать вдохновение и запечатлевать красоты Поднебесной.

Недавно до нового государя дошли слухи о невероятной популярности храма Бога Бракосочетания, и он повелел отправить туда нескольких мастеров, чтобы те зарисовали столь грандиозное зрелище для императорского взора.

До того как случилось несчастье с императором Тяньхэ, правители Великой Ци вовсе не были заперты в четырех стенах Запретного города. Тот же император Тяньхэ частенько покидал дворец, чтобы самолично обозреть свои владения. Но после его таинственного исчезновения новому императору оставалось созерцать величие своей державы лишь на картинах, созданных

искусными кистями живописцев.

Надо же было случиться такому совпадению, что среди здешних мастеров трудился еще один названный сын Чи Нина по имени Хэлан.

Тот самый Хэлан, чье имя отсылало к затворнику, избравшему своей женой дикую сливу, а сыном — журавля.

В прежние времена Хэлан влачил жалкое существование непризнанного, вконец обнищавшего книжника. Из тех, кто в учении и каллиграфии не смыслил ровным счетом ничего. Да и в целом природа не наделила его никакими выдающимися способностями; ему даже с людьми общаться давалось с трудом. Заурядная внешность, беспросветная нищета, ранняя кончина родителей — недостатков у него хватало с избытком. Единственным, в чем он хоть немного преуспел, было портретное мастерство.

Хэлан рисовал в манере, которую тогдашние ценители искусства наотрез отказывались признавать: он скрупулезно, до мельчайших подробностей воссоздавал на бумаге черты лиц и окружающий пейзаж именно такими, какими видел их собственными глазами.

Критики пренебрежительно называли его картины ремесленничеством, лишенным подлинного изящества и воздушной недосказанности, предрекая, что мастер никогда не добьется величия. До встречи с Чи Нином Хэлан прозябал на улице, перебиваясь случайными грошами за портреты и рискуя в любой день умереть с голоду. Сам он, впрочем, относился к своему положению философски: быть может, после смерти его имя наконец-то прославится.

Ведь не зря говорят: когда картина ценится дороже всего? Когда ее создатель уже сошел в могилу.

Однако судьба свела Хэлана с Чи Нином, и голодная смерть отступила. Чи Нин никогда не выставлял особых требований, когда брал кого-то под свое крыло. Если и существовало какое-то мерило, то им служили либо мимолетная прихоть, либо выгода.

Хэлан сочетал в себе и то и другое: евнуху он пришелся по душе, к тому же его талант мог сослужить хорошую службу.

Чи Нин забрал картины Хэлана и через своего наставника Чжан Цзинчжуна преподнес их императору Тяньхэ. Государь, не выносивший скуки дворцового затворничества, страстно грезил о свободе и дальних краях. Как Чи Нин и рассчитывал, живое и предельно достоверное изображение южных пейзажей привело правителя в полный восторг, и он личным указом зачислил безвестного художника в штат Академии живописи.

Благодаря этому подношению имя самого Чи Нина впервые прозвучало перед государем и запомнилось ему.

Но после этого пути названного отца и приемного сына почти не пересекались.

Чи Нин воспитывал своих приемных сыновей в высшей степени небрежно. Он вспоминал о них лишь тогда, когда в них возникала надобность, а в остальное время предоставлял самим себе — тут уж все зависело от их личного везения и воли провидения.

Сам Хэлан ни на что не роптал. Служба в Академии живописи казалась ему поистине райской долей: больше не нужно было содрогаться от мысли о нехватке туши или бумаги, не нужно было страшиться голодного дня. От него требовалось лишь творить, радуя людей плодами своего труда. Разве можно было мечтать о большем? Пожалуй, нет.

Среди коллег по кисти он не хватал звезд с неба, но и не плелся в самом хвосте, ведя тихую и размеренную жизнь. Когда поступали императорские заказы, он послушно следовал заданной теме, а в свободные дни писал то, к чему лежала душа.

От своего названного отца он ничего не просил, но и о долге сыновней почтительности не забывал. Каждый год, на Три праздника и два дня рождения, Хэлан неизменно преподносил Чи Нину свиток со своим лучшим творением.

И на этом их общение исчерпывалось.

Отношения отца и сына были прозрачны и ненавязчивы, как чистая вода, так что посторонние даже не догадывались об их родстве. Именно поэтому, когда над головой Чи Нина разразилась гроза, Хэлана это никак не затронуло. Впрочем, даже когда названный отец удалился на покой в Цзянцзо, преданный сын не оставил его без внимания, продолжая слать картины к каждому празднику, невзирая на любые невзгоды.

И вот теперь, когда новый государь оказался заперт в чертогах дворца, для Хэлана, приверженца приземленного реалистического направления живописи, вновь открылась дорога к славе.

Первым испытанием, призванным прощупать почву, для художников стало именно изображение праздника у храма Бога Бракосочетания.

Пока остальные мастера усердно трудились над панорамой для императорского взора, взгляд Хэлана, скользивший по толпе, внезапно замер, прикованный к фигуре Чжу Ляна. Сидящая у окна на втором этаже трактира воительница в черном одеянии была неописуемо прекрасна. Каждое ее движение, мимика, взрывной смех и досада сквозили такой неподдельной, бьющей через край жизнью!

От этой женщины веяло земным теплом и подлинной, неприкрытой страстью — той самой ускользающей красотой, которую Хэлан жаждал во что бы то ни стало запечатлеть на шелке.

И тогда Хэлан, которого коллеги за глаза издавна величали юродивым, вновь свалял дурака. Позабыв о редком шансе выслужиться перед престолом, он целиком сосредоточился на Чжу Ляне, уминающем изысканные яства за уставленным тарелками столом и ведущем себя вовсе не так, как подобает благовоспитанной девице из приличного дома.

Каждая линия выходила из-под его кисти безупречной, сочной и невероятно живой, дышащей чувственным великолепием.

Заметив, над чем увлеченно трудится безумец, один из художников громко расхохотался:

— Эй, глупец! Ты хоть помнишь, зачем нас сюда отправили?

А ведь еще недавно они числили Хэлана среди опаснейших соперников. Теперь же стало очевидно: дурак он и есть дурак.

Хэлан не проронил ни слова и даже не обиделся. В этот миг весь его мир сузился до фигуры Чжу Ляна и рождающегося на свитке образа. Напрочь лишенный поэтического дара, художник еще до завершения работы точно знал, как назовет это полотно — «Живой цвет и благоухание».

Сердце подсказывало ему: этот свиток станет лучшим его творением за последний год, а быть может, и за целое десятилетие.

Он просто не имел права упустить это мгновение!

Молчание Хэлана быстро наскучило шутникам, и они вернулись к своим мольбертам. В конце концов, каждому не терпелось сыскать милость в глазах молодого государя. Новая метла метет по-новому, а Академия живописи — не военное ведомство; не сумеешь вовремя уцепиться за край императорского драконьего халата — вмиг окажешься на улице без куска хлеба.

Пока Хэлан трудился над портретом, Чи Нин со спутниками наконец добрался до ворот храма.

Из-за огромного скопления экипажей и повозок Чи Нину и его спутникам пришлось покинуть паланкины еще на углу улицы и дальше идти пешком. Если бы Чи Нин раскрыл свое положение, стража вмиг разогнала бы толпу, расчистив дорогу. Однако его сумасбродный старший соученик уперся, заявив, что подобная шумиха лишит их расследование всякой тайны, и наотрез запретил демонстрировать жетон Восточного притвора.

Чи Нин решительно не понимал, ради чего нормальный человек станет отказываться от доступного комфорта и добровольно обрекать себя на мучения ради глупых условностей.

— От пары шагов не переломишься, — ворчал старший соученик Цзян, напоминая излишне строгого родителя. Порой такие люди искренне любят тебя, а порой от их слов кажется, будто

тебя подобрали под мостом. Цзян Чжиуэй наставительно поучал младшего: — Тебе нужно больше двигаться, уразумел? Иначе рано или поздно совсем ноги протянешь.

Чи Нин одарил его ледяным взглядом. Присутствие названного сына мешало ему устроить полноценную истерику с катанием по земле, поэтому пришлось ограничиться жалобой:

— У меня поясница ноет.

— Ты еще мал, откуда у тебя взяться больной пояснице?

Чи Нин лишился дара речи.

— Может, мне понести вас? — Су Лу, как и подобает почтительному сыну, поспешил выказать сыновнюю заботу.

— Еще чего! И так разбаловали его дальше некуда! — прикрикнул Цзян Чжиуэй. Он бесцеремонно схватил Чи Нина за локоть и увлек за собой, ловко лавируя среди напирающих со всех сторон горожан.

— Хочу сахарную фигурку, — заныл Чи Нин. Раз уж паланкин ему не светил, он вознамерился раздобыть карамельного петушка на палочке у придорожного торговца, вокруг которого радостно шумела детвора. Если у других детей есть, то и ему положено!

— Я тебе сам сейчас фигуру начищу! — мгновенно отозвался суровый старший соученик.

Пребираясь на ходу, братья наконец миновали ворота храма Юэлао. Внутри яблоку негде было упасть: перед глазами колыхалось сплошное море голов, застилающее все вокруг.

Спустя всего пару минут Чи Нин благополучно упустил из виду и ворчливого старшего соученика, и своего новоявленного сына.

Какое же это было облегчение!

Он до смерти устал от непрекращающегося бубнежа Цзян Чжиуэя — ну откуда в одном человеке столько занудства? Потеря послушного сына немного огорчала, но избавление от докучливого соученика с лихвой окупало эту мелкую неприятность.

Все они были взрослыми людьми, способными самостоятельно найти дорогу домой, так что Чи Нин и не думал бросаться на поиски. Вместо этого он с легким сердцем принялся осматривать диковинный храм. Медленно двигаясь вместе с людским потоком, он тщетно пытался уловить хоть какие-то признаки темного колдовства. В конце концов, решив попытать счастья у Священного древа, он со вздохом расстался с двумя медными монетами, дабы приобрести

заветную красную нить.

Хотя монахи именовали это «жертвенным подношением по велению сердца», на деле происходило обыкновенное вымогательство.

Место для сбора подношений обустроили в боковом приделе главного зала. Очередь туда растянулась на добрый ли, а порядок поддерживали храмовые служки и преданные делу миряне.

Два медных гроша были самым ничтожным взносом, за который паломнику даже не полагалось глиняной куклы Бога бракосочетания. Мало кто из пришедших решался на столь скарредный шаг; большинство предпочитали средний размер подношения — и кошелек не пустел, и перед людьми не стыдно. Потому, когда Чи Нин с самым невозмутимым видом протянул монетки дежурному послушнику, окружающие так и уставились на него в недоумении. Судя по дорожному крою его одежд, этот юноша явно не бедствовал.

Один из стоявших рядом паломников сочувственно покачал головой:

— Молодой господин, лишь искренняя вера приносит благодать. Пожалеть денег на бога — не к добру.

В сознании Чи Нина раздался издевательский смешок Юаня:

"Этот ваш Юэлао и впрямь на редкость милосердный бог. Чудеса отпускает строго по преysкyрантy"

Чи Нин лишь молча посмотрел на советчика. И хотя он не произнес ни слова, его ясный взор выражал крайнее недоумение: «Но ведь вера моя чиста и глубока!»

— Но посудите сами: другие тоже веруют, а монеты несут горстями. Будь вы сами Богом бракосочетания, чью бы просьбу исполнили в первую очередь?

— Вот-вот, бросить божеству два гроша — это же чистой воды кощунство! Не боитесь остаться бобылем до конца своих дней?

— Даже если не ждете от него великих милостей, то хотя бы не гневите старика!

— Если этот почтенный старец действительно столь всемогущ, у него наверняка найдутся дела поважнее, нежели чинить козни людям из-за пары монет, — раздался рядом звучный юношеский голос. Говоривший, пыльный с дороги паренек, разом утихомирил ревнителей благочестия. — Истинная вера призвана возвращать в человеке добродетель, а не служить поводом для понукания другими. Вы же засыпали человека угрозами и попреками лишь потому, что он не пожелал швыряться деньгами. Чем вы тогда отличаетесь от разбойников с

большой дороги?

Закончив отповедь, юноша повернулся к Чи Нину и подмигнул:

— Все ты правильно сделал, приятель. На мой взгляд, этому вертепу вообще ни единой полушки давать не следовало. Если любовь можно купить за звонкую монету, то это уже не чувства, а торговля свининой на базаре!

— Ах ты! Мы же из добрых побуждений советовали, а ты нас грязью поливаешь! Есть у тебя хоть капля совести?

— У кого тут совести нет? Раз два гроша указаны в правилах храма как минимальный взнос, значит, это законное право любого пришедшего. Покажите мне хоть один закон Великой Ци, запрещающий выбирать меньшую плату?

— Ах ты, сопляк паршивый! Да как ты смеешь зубы заговаривать? Раз родители не научили тебя вежливости, я сам тебя уму-разуму научу!

Обстановка накалилась, и дело явственно шло к драке, когда между спорящими наконец вклинились храмовые служители в белых одеждах с алыми поясами. Впрочем, они не стали разбираться, кто прав, а кто виноват, а просто растащили драчунов в стороны, дабы...

Дабы людской поток с монетами в руках мог без помех продвигаться дальше.

Ничто в этом мире не должно было мешать их обогащению.

Когда Чи Нин попытался отыскать взглядом заступника, того уже и след простыл в плотной толпе. Похоже, юноша действительно просто не вынес несправедливости и заступился за незнакомца. Чи Нин, чей искушенный в интригах разум во всем привык искать тайный умысел, лишь покачал головой с безмолвной улыбкой.

Стоило признать: встреча со столь бескорыстным человеком неувовимо подняла ему настроение. Чи Нин вообще отличался изрядным эгоизмом — он мирился с собственной порочностью, но терпеть не мог, когда кто-то превосходил его в низости.

После этой небольшой стычки паломники быстро позабыли, что виной всему послужила грошовая нить в руках Чи Нина. Сам же он, сжимая в ладони алую веревочку, отыскал дорогу во внутренний двор, где высилось Священное древо красных нитей. Огромный персиковый ствол, который едва ли смогли бы обхватить несколько человек, буквально утопал во внимании верующих. Люди, однако, вели себя на удивление чинно, выстраиваясь в аккуратную очередь, чтобы поочередно повязать свои ленты на ветви.

Когда наконец настал черед Чи Нина, солнце уже перевалило за полдень.

Чи Нин прищурился, оглядывая пышную, раскидистую крону. Среди нежно-розовых лепестков он отчетливо разглядел едва заметное, зловещее багровое свечение — точно такое же, какое он видел на теле Су Лу.

Те, кто подходил к дереву, сперва благоговейно зажмуривались, мысленно загадывая желание, а затем, приподнимаясь на цыпочки, повязывали нити. В тот же миг с ветвей срывался крошечный багровый лепесток. Он плавно скользил вниз по завязанной веревке, словно настоящий, кружил на ветру над головой молящегося и уносился прочь, увлекаемый воздушными потоками. По всей видимости, этот вестник отправлялся на поиски суженой.

В пользу этой догадки говорило и то, что на плечах молодой пары, пришедшей отблагодарить божество, Чи Нин заметил точно такие же призрачные лепестки. Они были изящными, алыми, точно капли свежей крови, пусть и не столь яркими, как у историографа Су.

Когда любопытные паломники принимались расспрашивать супругов, те с упоением делились историей своего чудесного воссоединения.

История их была незатейлива: семья молодого человека держала лавки по продаже шелка. Родители, желая укрепить свое положение в гильдии, вознамерились женить сына на дочери другого богатого купца. Но парень воспротивился воле отца — его сердце давно принадлежало сироте-кузине, нашедшей приют в их доме. Мечтая защитить любимую, но не зная, взаимны ли его чувства, он в полном отчаянии пришел в этот храм. И чудо свершилось: всего через пару дней кузина ответила ему согласием.

Однако семейное дело требовало союза со знатной невестой. Поразмыслив, благородная кузина согласилась принести себя в жертву и войти в дом на правах наложницы. Более того, ради мира в будущем семейном кругу она даже согласилась прийти вместе с любимым к Священному дереву, чтобы повязать еще одну нить — благословляющую его брак с той самой богатой наследницей.

Какая возвышенная, берущая за душу любовь! И какое редкостное везенье — получить и богатство, и ласку кузины разом!

Чи Нин даже не пытался сосчитать, сколько нелепостей и скрытой подлости крылось в этом рассказе. Ему хотелось лишь одного: чтобы этот напыщенный кретин, возмнивший себя великим императором Шунем, достойным сразу двух преданных жен, убрался как можно дальше. От его хвастовства уже звенело в ушах.

— Тьфу!

— Какое бесстыдство!

— Рожа твоя бесстыжая!

Слушатели наконец не выдержали. Даже в обществе, где узаконенное многоженство никого не удивляло, подобное бахвальство вызывало лишь брезгливое отвращение. И ведь этот подлец искренне верил в собственное благородство, вещая столь нагло и самоуверенно!

Чи Нин обернулся на голоса...

Как и следовало ожидать, одним из возмущенных крикунов оказался его почтенный старший соученик. Какая чудесная встреча! Впрочем, Цзян Чжиуэй даже не заметил в толпе потерянного младшего брата. Распаленный праведным гневом, он уже закатывал рукава, готовый ринуться в драку:

— Девушка еще порог твоего дома не переступила, а ты уже притащил в постель кузину-наложницу! И смеешь твердить о неземной верности? Да ты просто позарился на чужое богатое приданое, подлец!

Рядом с ним возмущались молодая барышня и тот самый пыльный юноша, что недавно заступался за Чи Нина в боковом приделе.

Паломники, стоявшие неподалеку, разом узнали дерзкого возмутителя спокойствия.

— Эй, малец, ты что, нарочно пришел устроить тут дебош? — грозно зыркнули на него несколько рослых мужчин.

Но юноша ничуть не испугался и со смехом бросил им в лицо:

— Именно так, я пришел устроить погром! Сегодня я срублю это проклятое древо и сровню с землей этот притон, чтобы вы больше не смели дурманить разум...

— ...и заставлять моего Вэнь Хуайгу жениться! — выкрикнул юноша окончание своей фразы.

А? Чи Нин опешил.

Похоже, этот славный борец за правду только что выпалил нечто весьма шокирующее.

<http://bllate.org/book/20385/2167284>